

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ

Среди разнообразных проблем, сопровождающих процесс становления российского гражданского общества, особое место занимает самоопределение такого его системного элемента, как сектор общественных некоммерческих объединений и организаций, или, как его чаще всего именуют, НКО¹. Рост числа общественных организаций есть одно из свидетельств начального этапа формирования гражданского общества, отличительными признаками которого и является появление инициативных, самодеятельных, самоуправляемых объединений граждан, деятельность которых направлена на решение общих проблем, защиту общих интересов, не связанных ни с завоеванием власти, ни с извлечением прибыли для обогащения их членов. В литературе эти организации, как правило, относят к «третьему сектору» — в отличие от государственного (первого) и коммерческого (второго). Организации этого сектора (иногда его именуют сектором добровольной активности) называют негосударственными, независимыми, добровольными, филантропическими, неправительственными, неприбыльными и, наконец,

* См. об авторах на с.107.

¹ По данным Центра развития демократии и прав человека, в России в 1999 г. реально существовало и активно действовало 43610 общественных некоммерческих организаций. (См.: О состоянии некоммерческого сектора России и его вкладе в социально-экономическое развитие страны // Мат-лы Первой нац. конф. некоммерческих организаций России. 11–14 окт. 2000. Москва, Виноградово, Холидэй ИНН. М., 2000. С.4. По нашей оценке, к этому числу следует добавить около 8,0 тыс. незарегистрированных организаций. В Свердловской области на начало 2000 г. насчитывалось около 2,5 тыс. зарегистрированных и около 500 незарегистрированных в органах Минюста РФ некоммерческих организаций.

некоммерческими — последнее нам представляется наиболее удачным. О самоопределении последних и будет идти речь далее.

Может показаться, что понятие «самоопределение» относится к числу устоявшихся междисциплинарных понятий с очевидным, казалось бы, содержанием и смыслом. Однако даже самое общее знакомство с его научным толкованием позволяет зафиксировать смысловую многозначность. Наиболее часто это понятие употребляется в конструктах «национальное самоопределение», «самоопределение личности», «профессиональное самоопределение» и т.п.

Устоявшиеся трактовки самоопределения нашли свое отражение в словарных изданиях. Так, в известном «Психологическом словаре» самоопределение рассматривается в качестве сознательного акта выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях, как особая форма коллективистского и профессионального¹. «Социологический энциклопедический словарь» трактует самоопределение и как понимание или детерминацию субъектом своей собственной природы или основных свойств, и как сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях, и как право наций и народа самому определять форму правления без вмешательства извне².

В свете предстоящего дискурса есть основание привести трактовку самоопределения, предлагаемую таким авторитетным изданием, как «Философский энциклопедический словарь»: «Самоопределение, самоназначение. Понятие этики, противоположное понятиям косности, «инертности сердца». Самоопределение является деятельным отношением к ситуациям, бескорыстным и даже связанным с риском, поскольку оно направлено на защиту этических ценностей от того, что им угрожает»³.

¹ См.: Психология: Словарь. М., 1990. С.351.

² См.: Социологический энциклопедический словарь. М., 1998.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С.403.

Но в наиболее яркой и глубокой форме сущность самоопределения охарактеризовал еще Г. Гегель. Рассуждая об истинной и реальной свободе идеи, он писал в «Философии права»: «В даймонии Сократа мы можем видеть начало того, как помещавшая себя лишь по ту сторону себя самой воля перемещается в себя и познает себя внутри себя, — начало знающей и тем самым истинной свободы. Так как эта реальная свобода идеи и состоит в том, чтобы каждому из моментов разумности дать его собственную, наличную самосознательную действительность, именно она и наделяет функцию сознания последней самоопределяющей уверенностью, которая составляет вершину в понятии воли. Но это последнее самоопределение может лишь постольку входить в сферу человеческой свободы, поскольку оно занимает положение для себя обособленной, возвышающейся над всякими обособлениями и условиями вершины, ибо только тогда оно действительно в соответствии со своим положением»¹. Представляется, что приведенная дефиниция в наибольшей степени соответствует целям и содержанию настоящей статьи.

Анализ имеющихся в научной литературе формулировок позволяет утверждать, что:

во-первых, бытие самоопределения имеет различные модификации (философское, духовное, политическое, правовое, национальное, групповое, профессиональное самоопределение и т.п.);

во-вторых, важнейшим свойством процесса самоопределения является его творческий характер, состоящий в осознанном выборе его акторами той или иной личностной или общественной траектории собственного будущего.

Говоря строго, процесс самоопределения социальной группы и ее перерастание в самостоятельный социальный институт *реализуется в нескольких направлениях.*

Итак, можем констатировать, что обретение самодостаточности и самоопределенности социальным институтом означает:

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.322.

- формирование собственной мировоззренческой, нравственной и ценностной систем;
- вхождение в действующую правовую систему;
- инициирование принятия новых и уточнение действующих законодательных актов, призванных обеспечить функционирование становящегося института.

Но если в случае личного самоопределения человек принимает и усваивает ценности и нормы субкультуры той социальной группы, в которую он вливается, то самоопределение любого диффузного социального образования (в нашем случае, это формирующийся сектор НКО) предполагает обретение им социального статуса (в том числе статуса социального института), ибо неизбежно сопровождается формированием соответствующей системы ценностей, норм и в конечном счете собственной субкультуры.

Однако остается еще один чрезвычайно важный для понимания сути самоопределения будущего социального института момент. Речь идет об общественном признании факта его существования, а также права и способности реагировать на общественные вызовы, следовательно, оказывать позитивное влияние на общественные процессы. Иначе говоря, механизм социального самоопределения, включаясь в интерактивные механизмы, неизбежно сливается с механизмом общественного признания и легитимации. Говоря об общественном признании, мы имеем в виду признание со стороны, прежде всего, государства и его институтов, а также всех институтов гражданского общества: политических партий, бизнеса, профсоюзов и т.п.

Теперь несколько слов о временном характере социального самоопределения, поскольку может создаться впечатление, что процессу социального самоопределения присуща некая синхронность продвижения по всем перечисленным ранее направлениям. Считаем необходимым подчеркнуть, что это не так, хотя в идеальном случае такое возможно. В реальности же самоопределение любого социального института осуществляется поэтапно и вписывается в последовательность, говоря словами французского философа

Ж.-М. Ферри, «порядков признания» его контрагентами (властью, политиками, широкими массами населения и т.д.)¹.

Воспользуемся итогами краткого анализа наиболее распространенных трактовок самоопределения, ибо в них содержатся очевидные методологические предпосылки, которые, как нам представляется, могут стать стержнем предстоящего дискурса.

Итак, говоря о самоопределении НКО, мы будем иметь в виду процесс, в результате которого этот сектор формирующегося гражданского общества должен обрести свое общественное лицо, сформировать культуру неполитического, гражданского участия в делах общества.

В самом деле, современный российский сектор НКО с полным на то основанием может быть отнесен к классу становящихся социальных феноменов (частный бизнес, партии, современные профсоюзы, местное самоуправление и т.п.), которые в дальнейшем должны стать полноценными сообществами российского гражданского общества. Этот сектор не может не пройти этап самоопределения в обозначенных выше смыслах. Однако этим содержательная трактовка самоопределения НКО не исчерпывается. Логично предположить, что самоопределение, касается оно отдельного субъекта или социальной группы, неизбежно затрагивает проблему его *независимости, самодостаточности*. Любая социальная группа тогда и только тогда самоопределяется по отношению к своим контрагентам, когда она формирует способы сохранения и развития собственной идентичности, нарабатывает механизмы защиты от возможного произвола и посягательств извне.

Прежде чем мы поведем непосредственный разговор о самоопределении НКО, следует несколько слов сказать о том, как мы понимаем гражданское общество. По этому поводу есть несколько точек зрения. Одни ученые понимают под гражданским всё общество, достигшее определенной степени демократического и право-

¹ См.: Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / Пер. с фр. М., 1995. С.44.

вого развития, другие называют гражданским часть общества, отделенного от государства (экономику, политику, церковь, профсоюзы, общественные организации), третьи, в том числе Ф. Шмиттер, к числу сторонников которого относят себя авторы статьи, под гражданским обществом подразумевают совокупность или систему самоорганизующихся медиаторных (посреднических) групп, относительно независимых от государственных и внегосударственных единиц производства (фирм, семей), способных на осуществление коллективных акций по защите и достижению собственных интересов и не стремящихся при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей или принимать на себя функции по управлению обществом в целом, но согласных действовать в рамках уже сложившихся гражданских или правовых норм¹.

Высказанное здесь понимание сущности гражданского общества важно для нас потому, что оно по сути дела обладает весьма определенным методологическим потенциалом, является той парадигмой, в свете которой и будет осуществляться весь последующий дискурс.

Первым в ряду общественных феноменов, по отношению к которым должен самоопределиться сектор НКО, следует назвать *государство*. Являясь элементом будущего гражданского общества, некоммерческий сектор прежде всего должен осознать себя в качестве свободного от властного влияния социального института (агента гражданского участия). Между тем более половины (55,2%) общественных объединений формируют свои бюджеты, помимо прочих источников, за счет финансирования из региональных и муниципальных бюджетов.

О каком самоопределении здесь может идти речь, если очень часто такие общественные объединения становятся не чем иным, как одним из элементов административного ресурса, используемо-

¹ См.: Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС. 1996. № 5. С.16–17.

го властью для достижения своих далеко не всегда благородных целей, главной из которых было и будет присвоение права на власть? Не случайно лишь чуть больше трети лидеров общественных организаций Свердловской области считают свои отношения с органами власти партнерскими, т.е. основанными на признании властью их прав и возможностей в деле реализации социальной политики. Конечно, причина здесь не только в том, что органы власти, оказывающие общественникам различную материальную и финансовую поддержку, не могут видеть в них равноправных субъектов социальной политики. Дело еще и в том, каков уровень профессионализма общественных организаций, *насколько они способны делать свое дело, выполнять свои уставные задачи*. По данным наших исследований, *лишь немногим более трети организаций* достигли такого уровня организационно-профессионального развития, которого требует их реальная практика в той или иной сфере деятельности, а для 16,5% из них главной задачей является выживание!

Темпы самоопределения НКО сдерживает и тот факт, что абсолютное большинство лидеров организаций продолжает учиться работать методом проб и ошибок. Чаще всего научные знания, необходимые для реализации той или иной социальной программы, берутся либо непосредственно из зарубежных источников, либо приобретаются на всевозможных семинарах, транслирующих в основном тот же зарубежный опыт. При этом крайне мала доля организаций, стремящихся к самостоятельному научному обеспечению своей деятельности. Их, по данным самого свежего (апрель–май 2000 г.) исследования, насчитывается около трети (и то речь идет о таком крупном центре, как Екатеринбург). Тем не менее и это уже свидетельствует о том, что данная группа организаций находится на верном пути.

Следовательно, проблема самоопределения общественных организаций — это еще и проблема формирования высокой *профессиональной* культуры. А тот факт, что деятельности некоммерческих общественных объединений присущи все признаки деятельности профессиональной, признал 61,0% опрошенных нами рес-

пондентов! Но пока уровень профессиональной культуры общественников не будет соответствовать требованиям, предъявляемым к субъектам социальной политики, рассчитывать на признание со стороны органов государственной и муниципальной власти будет трудно. Пока же, по нашим данным, свободными от директивных указаний, а зачастую и от откровенного диктата агентами практики гражданского участия считает свои общественные организации всего 34,0% их лидеров.

Вторым оппонентом некоммерческого сектора выступает *сфера бизнеса*. Трудно, а по большому счету и невозможно считать формирующийся в настоящее время сектор НКО экономически независимым, поскольку всего лишь 15% этих организаций осуществляют разрешенную законодательством коммерческую деятельность, формируя тем самым экономическую базу собственной деятельности. По нашим данным, ее вклад в бюджет организаций нашей области составляет всего 11,5% от суммарного веса всех источников. При этом доля финансовой подпитки от частного бизнеса равняется 16,2%. Замечательно, что каждая третья общественная организация Свердловской области получает поддержку от коммерческого (предпринимательского) сектора! Но что интересно: на богатом Западе (США, Англия, Германия и т.п.) все отчетливее проявляется тенденция к переходу НКО на финансирование за счет собственной некоммерческой деятельности. Вот на что надо ориентироваться нашим общественным организациям, а не на традиционный *фандрайзинг* Запада, кстати, являющийся для него пройденным этапом! Не всегда следует повторять чужой опыт. Надо идти своим путем!

Разумеется, заниматься формированием собственных источников бюджета в нашей стране в силу всем известных обстоятельств трудно. Но не вечно же будет сохраняться налоговый пресс, и для перемен в этой сфере уже есть достаточно веские основания. Поэтому мы уверены, что в колоссальном выигрыше окажутся те отечественные общественные организации, которые уже сейчас ищут пути самостоятельного формирования своих бюджетов. Дви-

жение по указанному пути (и в первую очередь это касается благотворительных организаций) невозможно без переосмысления исповедуемой абсолютным большинством НКО исконно российской, патерналистской модели благотворительности, заключающейся прежде всего в перераспределении средств вне зависимости от того, откуда они поступают.

Третьим контрагентом сектора НКО в процессе его самоопределения является весь комплекс политических институтов, имеющих своей целью завоевание власти, а следовательно, и располагающих специфическими способами ее достижения.

Итак, рассмотрим процесс самоопределения НКО по отношению к сфере политической деятельности.

Одной из отличительных черт современной России является активная политизация всех сфер общественной жизни (включая, естественно, и сектор НКО), вызванная, на наш взгляд, следующими обстоятельствами.

Во-первых, это неготовность как государства, так и нарождающегося гражданского общества осуществлять модернизацию страны за счет не только политических, но и неполитических — экономических, социальных и культурных — механизмов. В этих условиях наблюдается активное стремление большого числа неполитических субъектов гражданского общества, в том числе и в целях самосохранения, самозащиты и обеспечения перспективы развития, предпринимать активные попытки войти в число акторов российского политического поля. Это оказывает серьезное деструктивное влияние на процесс самоосознания и самоопределения как формирующегося гражданского общества в целом, так и его важнейшего элемента — неполитического, некоммерческого сектора.

Следует признать, что самоопределение основных субъектов российского политического поля, прежде всего политических партий и общественно-политических движений, идет достаточно интенсивно, и в общем-то понятно, в силу каких причин. Борьба за

власть, за места в представительных властных структурах — вот мощный стимул, интенсифицирующий этот процесс.

Что же в таком случае остается делать гражданским некоммерческим общественным организациям? Стать наравне с другими секторами гражданского общества (политическими партиями, субъектами частного бизнеса, профсоюзами, церковью и т.п.) актором общественной жизнедеятельности им пока не удалось. Сравняться с политическим сообществом по степени воздействия на государство и на органы федеральной и местной власти — тоже. По нашей оценке, в составе Государственной Думы Российской Федерации, работавшей в период 1996–1999 гг., было всего три депутата от некоммерческого сектора¹.

Немаловажную роль играет и то, что многочисленные проблемы, встающие перед некоммерческими общественными организациями, как правило, решаются лишь частично или не решаются вовсе. В этих условиях они закономерно осознают возможность и необходимость решать свои, а в конечном счете, и общественные проблемы за счет выхода в политическое пространство. Другая, не менее важная причина этого явления кроется в том, что многим людям — либо слишком амбициозным, часто не состоявшимся профессионально, либо потерявшим возможность трудиться по своей основной профессии — представляется шанс сделать карьеру, а может быть, и обрести властные полномочия, используя для этой цели некоммерческие общественные организации путем ориентации последних на политическую деятельность.

Есть еще одна чрезвычайно серьезная причина политизации нарождающегося гражданского сообщества в России — сращивание крупного отечественного бизнеса с политическими партиями и движениями. В условиях неразвитости российского среднего клас-

¹ Подробнее см.: *Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия — к социальному партнерству*. Екатеринбург, 1998.

са, который вследствие отсутствия у него необходимых финансовых средств не может играть свою гражданскую роль, некоммерческие организации оказываются объектом внимания экономически более сильного сообщества, использующего их для приобретения собственного политического капитала.

Еще одна важная причина политизации некоммерческого сектора формирующегося российского гражданского общества кроется в отечественном законодательстве, регулирующем деятельность политических партий и движений. Достаточно обратиться к базовому правовому акту — федеральному закону «Об общественных объединениях», предметом регулирования которого являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на создание и деятельность общественных объединений.

На наш взгляд, в этом документе содержатся правовые нормы, нечетко регламентирующие цели существования и деятельности общественных объединений. Так, при определении видов общественных объединений и регламентации целей их существования в законе не расшифровываются такие ключевые понятия, как общий интерес, социальные цели, общественно полезные цели¹. Казалось бы, согласно букве закона, преследование политических целей разрешено только общественным движениям: «Общественным движением является состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, *политические* (выделено нами. — *И.М., Б.М.*) и иные общественно полезные цели...»² При этом и для организаций, зарегистрированных как общественные фонды, предусматривается «формирование имущества на основе добровольных взносов ... для дальнейшего их использования на общественно полезные цели»³.

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 19 июля 1998 года № 112-ФЗ «Об общественных объединениях РФ» // Рос. газ. № 139, 1998. 24 июля. Ст. 2, 7, 13.

² Там же. Ст. 9.

³ Там же. Ст. 10.

Однако мы не погрешим против истины, утверждая, что в число общественно полезных целей вполне органично включаются цели политического характера... То же самое можно сказать и о нечетко прописанных целях общественных организаций, которые создаются «на основе совместной деятельности для защиты общих интересов...». Но ведь общие интересы могут оказаться не чем иным, как политическими интересами в чистом виде, и практика это подтверждает. Аналогичные недоработки имеются в федеральном законе «О некоммерческих организациях», в котором оговаривается единственное ограничение для последних: не иметь извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности и не распределять полученную прибыль между членами этих организаций. В тексте закона отсутствует как разрешение на участие в политической деятельности, так и запрет на это¹. При этом подчеркнуто, что «НКО могут создаваться в целях защиты прав, законных интересов граждан и организаций...». И опять-таки — явная неопределенность. Ведь можно защищать не только гражданские, но и политические права. Эта законодательная неопределенность не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд, ибо позволяет практически любому общественному объединению, в том числе и некоммерческим организациям, заниматься политикой не только по случаю, но и в качестве основного вида деятельности.

Именно такую ситуацию мы зафиксировали в ходе исследования общественных объединений некоммерческого сектора: по нашим данным, 15,0% организаций НКО в уставных документах называют политическую деятельность основной сферой своих интересов². В деятельности же значительного количества НКО, непосредственно не

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 8 июля 1999 года № 140-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Рос. газ. № 134. 1999. 14 июля. Ст. 2.

² Здесь и далее приводятся данные лонгитюдного социологического исследования, осуществленного авторами в 1996 и 1999 гг. На первой стадии было опрошено 132 лидера организаций некоммерческого сектора, на втором — 347. Ошибка выборки — 4,5% при $p = 0,95$.

участвующих в политике, последняя присутствует как одно из «сопутствующих» направлений. Общественные объединения, попавшие в наше исследовательское пространство, можно сгруппировать по степени приверженности к политическому участию. Так, в первую группу мы включили общественные объединения, для которых политические вопросы занимают от 26,0 до 22,0% всего объема решаемых проблем. Это объединения, работающие в сферах защиты прав человека, поддержки гражданских инициатив, информатики, участвующие в женском движении, занятые в экологической сфере и общественном самоуправлении. Ко второй группе мы отнесли общественные объединения, деятельность которых на 15,0–9,0% связана с политикой. Это благотворительные организации, профессиональные союзы; НКО, занятые социальной защитой, реабилитацией инвалидов, участников войн и боевых действий; объединения, представляющие молодежное, студенческое движение, работающие в сфере культуры, развития национальных традиций. Наконец, третья группа объединила организации, участие которых в политической деятельности можно назвать эпизодическим — от 7,0 до 4,0% всего спектра решаемых проблем. Это НКО, избравшие своей нишей здравоохранение, образование, спорт, ветеранское движение. Таким образом, политическая составляющая в большей или меньшей степени присутствует в работе НКО практически всех направлений и сфер деятельности.

Это обстоятельство имеет чисто отечественные корни и вытекает из специфики современного этапа российской истории. Однако формирующееся у нас гражданское общество не может не испытывать весьма мощного воздействия западной демократии с ее богатой историей и традициями.

Коммуникация между развитыми и становящимися гражданскими обществами активно шла с начала 90-х гг. Основными трансляторами западного опыта формирования гражданского общества стали многочисленные государственные и частные фонды и организации. Вне всяких сомнений, этот опыт сыграл и играет довольно существенную роль в деле становления российского гражданского общества. Очевидно, в нашем случае речь должна идти не

столько об укоренении опыта политического участия западного некоммерческого сектора на российской почве, сколько о его критическом осмыслении и переработке.

Как показывает анализ, одной из важнейших особенностей функционирования западного гражданского общества является высокая степень включенности его некоммерческого сектора в политическую систему¹. Если говорить об этом секторе мировой демократии, то такое положение дел представляется вполне закономерным. Но, заметим, закономерным для современного этапа его развития. Ведь история становления западных гражданских обществ насчитывает по меньшей мере около двух столетий. За это время они прошли путь от первоначального своего состояния, когда гражданское в социуме было сосредоточено в тесной скорлупе собственно гражданского начала, независимого от государства и политической сферы, до гражданского общества-государства, когда различия между гражданским и политическим началами (в том числе и институтом государства) практически сходят на нет. Это не означает, что гражданское начало полностью поглощается политическим и его квинтэссенцией — государством. Как утверждал в свое время К. Поппер, синкретичное единство политического государства возможно лишь в «трибалистских» обществах. Скорее происходит наоборот: сфера гражданского сообщества постепенно становится вровень с государством и политической сферой, перерастая и трансформируясь в ходе исторического развития в собственно гражданское общество.

Если для первых этапов становления гражданского общества в странах Европы и Америки (XVIII–XIX вв.) еще характерна явная тенденция к дифференциации сфер общественной жизнедеятельности — гражданское сообщество достаточно отчетливо обособляет-

¹ См.: *Холмская М.Р.* Политическое участие как объект исследования // ПОЛИС. 1999. № 5; *Черникова В.В.* Неправительственные организации в политической системе Великобритании (1989–1990-е гг.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 1998.

ся прежде всего от сферы политической, — то в дальнейшем начинает превалировать процесс интеграции общественного организма. Поэтому применительно к современной российской истории пока правомерно говорить не о российском гражданском обществе, а о его прототипе — гражданском сообществе¹.

В связи со сказанным использование западного опыта формирования гражданского общества в России требует самой серьезной рефлексии по поводу ее национальных особенностей. В этом мы полностью согласны с известным американским политологом Г. Глисоном, утверждающим, что «полная трансплантация традиционных политических и экономических моделей европейского и американского рынков для переходных обществ не слишком перспективна»². В данной цитате нас привлекает не столько буква, сколько дух. Между тем западные организации, работающие на ниве гражданского просвещения российского некоммерческого сектора, на протяжении уже почти десяти лет настойчиво ориентируют молодое российское гражданское сообщество, в том числе его важнейший элемент — некоммерческий сектор, на активное политическое участие.

Особенно последовательно действует в этом направлении Национальный демократический институт (США), внесший серьезный вклад в дело формирования российской демократии. Можно понять и принять заботу наших американских партнеров о развитии политической культуры и практики политического участия российского некоммерческого сектора, если бы все обстояло так просто: вот вам наш опыт, а остальное приложится. На деле все оказывается значительно сложнее.

Поскольку российское гражданское общество находится на первоначальной стадии — стадии гражданского сообщества (свидетельство тому — крайне скудный объем публикаций, однозначно

¹ Подробнее см.: *Модель И.М., Модель Б.С.* Указ.соч.

² *Глисон Г.* Управление: Общественный сектор в процессе перемен. Екатеринбург, 1998. С.4.

посвященных проблемам российского гражданского общества), постольку логичным было бы утверждение, что оно пока не является ни объектом развернутого научного дискурса, ни субъектом само-рефлексии, лежащей в основе механизма самоопределения.

В данном случае нас интересует последний из обозначенных аспектов. По данным наших исследований, со статьями в общественно-политических и научных журналах и сообщениями в СМИ (газеты, ТВ, радио), посвященными тем или иным проблемам гражданского общества, хорошо знакомы только 27,2% проинтервьюированных нами лидеров НКО. Казалось бы, все должно быть иначе. Ведь абсолютное большинство этих людей (76,6%), являющихся своего рода «гражданской элитой общества», — представители российской интеллигенции, имеющие высшее образование! При этом около 8,0% из них являются обладателями ученых степеней! Кому, как не им следует интересоваться (хотя бы интересоваться!) теоретическими проблемами формирования гражданского общества, пытаться увидеть специфику НКО по сравнению с ярко обозначенными политическими акторами: властью, партиями и общественно-политическими движениями?

Но мы убедились: степень этого интереса довольно низка. Поэтому нет ничего странного в том, что в абсолютном большинстве случаев идея активного политического участия гражданских некоммерческих общественных организаций, порождаемая внутрироссийскими обстоятельствами и подкрепляемая авторитетными зарубежными международными демократическими организациями, встречает в лице многих лидеров НКО горячих сторонников, о чем красноречиво свидетельствуют приведенные данные табл. 1. Здесь прослеживаются две интересные тенденции. Первая фиксирует достаточно ярко выраженную и стабильную установку лидеров на необходимость политического участия возглавляемых ими НКО. Вторая позитивная, на наш взгляд, тенденция, появившаяся за время, прошедшее между двумя исследованиями, — увеличение доли сомневающихся в необходимости политического участия НКО.

Таблица 1

Ответы лидеров на вопрос о том, должны ли некоммерческие общественные объединения участвовать в политической деятельности
(% от числа ответов)

Точка зрения	Год	
	1995	1999
Конечно, должны	36,6	29,3
Скорее должны, чем нет	24,2	31,8
Скорее не должны	16,6	24,9
Категорически не должны	7,6	7,0
Затрудняюсь ответить	15,0	7,0

Не меньший научный и практический интерес представляет перечень мотивов, которыми наши респонденты руководствовались, отстаивая необходимость активного политического участия организаций НКО (см. табл. 2).

Таблица 2

Лидеры о мотивах политического участия НКО
(% от числа опрошенных)

Мотивы участия	Год	
	1995	1999
Решение многих проблем НКО возможно только политическими методами	32,6	0,3
Все граждане имеют право на участие в политической деятельности	31,8	34,5
От деятельности в НКО один шаг до политики	17,4	20,6
Необходимость лоббирования интересов НКО	4,8	4,6

На первый взгляд, мотивация политического участия (несмотря на выявленные выше противоположные тенденции) не только не ослабла, а наоборот — усилилась. Это было бы так при условии, что доля ответивших на данный вопрос интервью оказалась бы равной доле ответивших на вопрос о необходимости политического участия. На самом деле в первом случае доля ответивших равнялась 100,0% при 15,0% затруднившихся, а во втором она сократилась до 68,8% опрошенных. Этот факт убедительно свидетельствует о некоторых изменениях в сознании лидеров граждан-

ских общественных объединений — о росте сомнений и неуверенности в необходимости политического участия НКО. Но, как мы еще раз убедились, тенденция эта может быть обнаружена лишь при очень тщательном анализе реальности. Несколько более отчетливо она просматривается при переходе к осмыслению форм реального политического участия НКО (табл. 3). Нет особой необходимости в развернутом комментировании приведенных здесь данных. Единственное, что хотелось бы подчеркнуть, так это очевидный прирост (+14,1 пункта) доли тех лидеров, кто начинает осознавать возможность действовать не только политическими методами.

По данным наших исследований, достаточно большая часть (22,0% в 1995 и 17,2% в 1999 г.) лидеров НКО является членами либо политической партии, либо общественно-политического движения. В принципе такую раздвоенность одобряет намного большее число наших респондентов: 62,9 % в 1995 г. и 78,2% в 1999!

Таблица 3

Формы политического участия НКО

(в % к числу опрошенных)

Форма участия	Год	
	1995	1999
Выдвижение своих кандидатов в представительные органы власти	29,5	29,8
Публичная агитация за полезного для НКО кандидата во время предвыборных кампаний	5,9	19,5
Непосредственное включение в деятельность политических партий движений	17,4	9,3
Оказание влияния на власть неполитическими методами	24,2	38,3

Одновременно обнаружилась явная корреляция между политическим членством лидера общественной организации и использованием ее (организации) ресурсов в чисто политических целях: так считает 52,0% лидеров-политиков (против 41,0% в среднем по всей выборке).

Отсюда вполне объяснимо появление всевозможных некоммерческих общественных организаций, структура и методы работы

которых ориентированы либо на прямое влияние на органы власти, на принимаемые ими решения, либо на непосредственное завоевание их лидерами мест в органах представительной власти.

Разве это не наглядное подтверждение сделанного ранее вывода о наличии пока только слабой тенденции к самоопределению российского НКО по отношению к политической сфере? Думается, двух мнений на этот счет быть не может.

Еще одним важным свидетельством в пользу нашей исследовательской гипотезы выступает непосредственное стремление лидеров НКО к переходу во властные органы. Так, если в 1995 г. в качестве чиновников органов региональной и муниципальной исполнительной власти видели себя в ближайшем будущем 2,0 и 3,0% опрошенных, то в 1999 это число выросло до 14,5 и 17,5%, соответственно. Разница настолько существенна, что заставляет задуматься о дальнейшей судьбе тех организаций, чьи лидеры претендуют на чиновничьи портфели. Ведь в абсолютном большинстве случаев (78,2% опрошенных) наши респонденты либо сами создавали свои общественные организации, либо принимали в их создании самое непосредственное участие.

Разумеется, мы далеки от утверждения, что лидеры некоммерческих общественных объединений не имеют права на политическую деятельность. Доказывать подобное было бы абсурдным. Но ведь в настоящей статье речь идет не столько о политических притязаниях лидеров, сколько о лице возглавляемых ими организаций, а следовательно, о самоопределении «третьего сектора» по отношению к политической сфере. В этой связи уместно напомнить, что самоопределение — это еще и самоограничение. Неприятие гражданским лидером и его организацией политической активности неминуемо приводит к отказу от многих ее соблазнов. Мы солидарны с известным отечественным социологом И.С. Коном, который, рассматривая проблему профессионального самоопределения молодого человека, писал: «И, хотя это совершенно в порядке вещей, сделать этот ответственный и самоограничиваю-

щий выбор отнюдь не просто»¹. Но сошлемся на приведенную выше мысль Г. Гегеля, без этого трудно войти в сферу человеческой свободы, и добавим от себя — гражданской свободы.

В целом мы имеем основания констатировать, что молодой российский сектор НКО находится на начальном этапе самоопределения — этапе, полном противоречий, этапе смутного, не отягощенного более или менее серьезным теоретическим багажом поиска своей идентичности, осознания своей гражданской сущности. Этот этап характеризуется размытостью, нечеткостью представлений о собственных целях и способах их достижения. И чем скорее он будет преодолен, чем скорее сектор НКО сумеет пройти, пережить трудный процесс самоопределения по отношению к основным сферам жизнедеятельности социума, и в первую очередь к политической, тем весомее будет его вклад в формирование подлинного гражданского общества в России.

¹ *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967. С.165.